ГРАФЪ А. К. ТОЛСТОЙ

ЕГО

ЖИЗНЬ И ПРОИЗВЕДЕНІЯ

25-го сентября прошедшаго года исполнилось тридцать лѣтъ со дня смерти графа Алексѣя Константиновича Толстого. Много прошло времени съ тѣхъ поръ, а все же у насъ не пришли еще къ соглашенію въ оцѣнкѣ его личнаго характера и творческаго таланта, и даже встрѣчаются, или, по крайней мѣрѣ, встрѣчались прямо противоположныя воззрѣнія какъ на то, такъ и на другое.

Если вѣрить цифрамъ, т.-е. числу изданій, которое въ послѣднее время выдержали его сочиненія, и безчисленному числу представленій его „Трилогіи“, то можно констатировать, какъ несомнѣнный фактъ, именно то, что графъ А. К. Толстой сдѣлался теперь однимъ изъ самыхъ популярныхъ нашихъ поэтовъ. Но, съ другой стороны, и теперь можно встрѣтить въ печати слѣды старой непріязни къ нему. Въ виду того, мы и предприняли, въ настоящемъ очеркѣ, собрать во-едино тѣ данныя, которыя разбросаны на страницахъ разныхъ журналовъ, и представить картину жизни покойнаго поэта, характеристику его личности и оцѣнку богатой, разносторонней его работы.

I.

Графъ А. К. Толстой родился 24-го августа 1817 г. въ Петербургѣ, въ богатой дворянской семьѣ. Его мать, Анна Алексѣевна Перовская, которая славилась въ высшемъ обществѣ

столицы своимъ умомъ и красотою, вышла въ 1816 г. замужъ за графа Константина Петровича Толстого, брата извѣстнаго скульптора и вице-президента академіи художествъ. Бракъ этотъ не былъ счастливъ, и, вскорѣ послѣ рожденія сына, супруги разъѣхались. Графъ К. П. Толстой, женившись во второй разъ, былъ значительно старше своей молодой жены; онъ уступалъ ей и по уму, и по образованію. По крайней мѣрѣ, братъ его, Ѳ. П. Толстой, цѣнившій свою невѣстку, высказался по поводу этого разрыва въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Братъ Константинъ никогда и не долженъ былъ жениться на Аннѣ Алексѣевнѣ. Она слишкомъ умна для него... Тутъ ладу и ожидать было трудно...“ [1]).

Немедленно послѣ разрыва съ мужемъ, графиня Анна Алексѣевна съ шестинедѣльнымъ ребенкомъ покинула Петербургъ и поселилась на югѣ, въ имѣніи Красный-Рогъ, мглинскаго уѣзда, черниговской губерніи. Съ этого времени всѣ связи съ семьей Толстыхъ, съ которыми ранѣе графиню соединяла самая тѣсная дружба, были порваны [2]).

Анна Алексѣевна была не только умная, но и безпредѣльно добрая женщина [3]), которая всю свою любовь сосредоточила на своемъ сынѣ и сумѣла сдѣлать изъ него хорошаго человѣка. Въ трудной работѣ воспитанія „Алеши“ графиня нашла полную поддержку въ своемъ братѣ, Алексѣѣ Алексѣевичѣ Перовскомъ, который всей душой привязался къ ребенку и замѣнилъ ему отца. Въ виду того вліянія, которое этотъ интересный человѣкъ оказалъ на всю дальнѣйшую судьбу гр. А. К. Толстого, необходимо нѣсколько остановиться на немъ и на той семьѣ, въ которой онъ родился [4]).

Алексѣй Алексѣевичъ Перовскій и его сестра были побочныя дѣти извѣстнаго вельможи Александровскаго времени, графа Алексѣя Кирилловича Разумовскаго, и дѣвицы Марьи Михайловны Соболевской. Семья эта была очень многочисленна: кромѣ Алексѣя и Анны, у графа было еще два сына—Василій и Левъ—и пять дочерей: Прасковья, Елизавета, Ольга, Марія и Софія [5]). Въ 1807 г. всѣ эти дѣти, по Высочайшему повелѣнію, были уза-

---

[1]) Воспоминанія его дочери, М. Ѳ. Каменской („Историческій Вѣстникъ“ 1894 г., т. 55, стр. 307).

[2]) Воспоминанія Ек. Ѳ. Юнге, второй дочери гр. Ѳ. П. Толстого („Вѣстникъ Европы“ 1905 г., т. II, стр. 801).

[3]) Воспоминанія Льва Жемчужникова („Вѣстникъ Европы“ 1899 г., № 11).

[4]) А. Кирпичниковъ. Былыя знаменитости русской литературы. Антоній Погорѣльскій (А. Перовскій). „Истор. Вѣстн.“ 1870 г., октябрь.

[5]) Васильчиковъ. Семейство Разумовскихъ, II, стр. 113.

конены, получили дворянское званіе и фамилію Перовскихъ, отъ подмосковнаго имѣнія ихъ отца, которое называлось Перово. Благодаря вліянію, средствамъ и обширнымъ связямъ графа Алексѣя Кирилловича, который при Александрѣ I былъ министромъ народнаго просвѣщенія, дѣти его получили прекрасное образованіе и блестяще пошли по службѣ; его сынъ Василій былъ генералъ-губернаторомъ въ Оренбургѣ, другой—Левъ—министромъ внутреннихъ дѣлъ; даже Алексѣй, который не отличался усердіемъ къ службѣ, а увлекался литературой и искусствомъ, былъ назначенъ попечителемъ харьковскаго учебнаго округа и состоялъ въ этой должности съ 1825 по 1830 г. Помимо связей, гр. А. К. Разумовскій оставилъ дѣтямъ большія средства, которыя достались ему въ видѣ обширныхъ помѣстій его отца, Кирилла Разумовскаго, послѣдняго гетмана Малороссіи. Главное изъ этихъ имѣній было мѣстечко Почепъ, мглинскаго уѣзда, гдѣ до своей смерти, которая послѣдовала въ 1822 г., жилъ самъ гр. Алексѣй Кирилловичъ; по сосѣдству были расположены помѣстья его дѣтей: Погорѣльцы, въ которомъ поселился А. А. Перовскій, и Красный-Рогъ, гдѣ въ старой гетманской усадьбѣ, въ красивомъ охотничьемъ домѣ, построенномъ знаменитымъ архитекторомъ Растрелли, жила графиня Анна Алексѣевна Толстая.

Дворецъ этотъ, какъ и всѣ загородные дома гетмана, былъ деревянный, но отличался красотой фасада и удобствомъ расположенія комнатъ. Онъ стоялъ вдали отъ крестьянскихъ хатъ, и широкія липовыя аллеи вели къ его главному подъѣзду; съ другой стороны къ дому примыкалъ обширный садъ, спускавшійся къ красивой рѣкѣ. Средину зданія занимала большая столовая, надъ которой былъ устроенъ бельведеръ, откуда открывался прекрасный видъ на всю усадьбу, рѣку и безграничныя лѣсныя дали. Не было здѣсь лишней роскоши, но весь домъ производилъ впечатлѣніе барской усадьбы, въ которой все красиво, просто и удобно.

Мы такъ подробно остановились на описаніи усадьбы Краснаго-Рога потому, что въ этомъ имѣніи маленькій Алеша провелъ свое счастливое дѣтство. Мальчикомъ онъ бѣгалъ по саду и по окружающимъ лѣсамъ, а юношей—читалъ и мечталъ, сидя подъ тѣнистыми деревьями парка. Недаромъ онъ всю жизнь любилъ этотъ клочокъ земли всѣми фибрами своей души.

Домъ А. А. Перовскаго находился, какъ мы сказали, въ его имѣніи Погорѣльцахъ [1]). Тамъ онъ устроилъ себѣ садъ въ ан-

[1]) Послѣ смерти Перовскаго, это имѣніе перешло къ гр. А. К. Толстому, а теперь принадлежитъ Н. М. Буддѣ-Жемчужникову.

глійскомъ вкусѣ и собралъ обширную библіотеку, которою впослѣдствіи часто пользовался гр. А. К. Толстой. Хозяинъ этой усадьбы былъ для своего времени человѣкъ весьма образованный. Въ 20-хъ годахъ Перовскій занялся литературой и написалъ, подъ псевдонимомъ Антона Погорѣльскаго, цѣлый рядъ фантастическихъ разсказовъ: „Лафертова мельница", „Двойникъ или вечера въ Малороссіи", „Монастырка" и др. Всѣ эти разсказы написаны бойко, талантливо и безъ малѣйшей тенденціозности. „Монастырка", по крайней мѣрѣ ея первая часть, не лишена интереса и въ настоящее время; въ особенности, описаніе жизни и быта Малороссіи заслуживаетъ, по живости красокъ, полнаго вниманія. Нельзя не упомянуть еще о прелестной сказкѣ „Черная Курица, или Подземные жители", которая, по преданію, написана Перовскимъ для „Алеши" [1]).

Но возвратимся къ біографіи самого гр. А. К. Толстого.

Проживъ лѣтъ шесть въ деревнѣ, графиня Анна Алексѣевна вернулась въ Петербургъ. Зимой 1826 года мы ее снова видимъ среди столичнаго свѣта, двери котораго были ей широко открыты. Благодаря знакомству гр. Василія Алексѣевича Перовскаго съ воспитателемъ наслѣдника-цесаревича Александра Николаевича, Жуковскимъ [2]), девятилѣтній Алеша Толстой былъ представленъ наслѣднику и допущенъ въ число дѣтей, которыя по воскресеньямъ составляли общество цесаревича Александра Николаевича. Съ этого времени его соединяли съ будущимъ государемъ самыя теплыя, дружескія отношенія.

Въ 1827 году графиня вмѣстѣ съ братомъ и сыномъ отправилась заграницу. Обширныя связи и большія средства повсюду открывали имъ двери. Въ своей автобіографіи гр. Толстой вспоминаетъ, что они были приняты въ Веймарѣ, при дворѣ великаго герцога, и въ домѣ Нестора европейской литературы, Вольфганга Гёте, къ которому въ тѣ годы стекались со всего міра поклонники его генія. Величественный старикъ принялъ своихъ гостей очень привѣтливо и, обласкавъ мальчика, посадилъ его къ себѣ на колѣни.

Западъ съ его высокой культурой чрезвычайно понравился нашимъ путешественникамъ, и съ тѣхъ поръ поѣздки заграницу предпринимались ими очень часто. Наибольшее впечатлѣніе на мальчика произвело путешествіе по Италіи, которое они предпри-

---

[1]) „Монастырка" и „Черная Курица" изданы А. А. Суворинымъ въ его „Дешевой библіотекѣ".

[2]) Языковъ. Гр. А. К. Толстой. М., 1901 г., стр. 14.

няли въ 1831 г. Изъ дневника, сохранившагося въ семейномъ архивѣ [1]), видно, съ какимъ интересомъ четырнадцатилѣтній Алексѣй Толстой воспринималъ богатыя впечатлѣнія, интересовался природой, людьми и упивался искусствомъ. Теперь, когда желѣзныя дороги прорѣзали всю страну, трудно себѣ представить путешествіе того времени. Но въ богатыхъ помѣщичьихъ усадьбахъ можно изрѣдка найти старинную карету, въ которой ѣздили наши магнаты. Этотъ экипажъ былъ такъ помѣстителенъ, что на ночь въ немъ дѣлали постель; сзади были устроены особыя мѣста для прислуги, а на крышѣ привязывались сундуки; его везли 4—6 лошадей, при перевалахъ черезъ горы впрягали быковъ, а при путешествіи по Италіи въ Апеннинахъ, а также между Римомъ и Неаполемъ, иностранцевъ эскортировалъ пикетъ папскихъ карабинеровъ. Недаромъ маленькій Толстой такъ подробно описываетъ въ своемъ дневникѣ продѣлки разбойниковъ, которые, опустошая карету, клали путешественниковъ лицомъ къ землѣ.

Это маленькое общество ѣхало необычной теперь дорогой: они посѣтили Венецію, Верону, Миланъ, Геную, Пизу, Лукку, Флоренцію, Фолинью, Civita Castellana и черезъ Piazza del Popolo въѣхали въ Римъ. Оттуда они черезъ Гаёту проѣхали въ Неаполь и моремъ вернулись въ Геную.

Поѣздка была роскошная въ полномъ смыслѣ этого слова. Перовскій и его сестра всюду останавливались, разыскивали знакомыхъ, посѣщали художниковъ и дѣлали большія покупки. Въ Римѣ они познакомились съ К. П. Брюлловымъ, которому маленькій Толстой такъ понравился, что знаменитый художникъ нарисовалъ ему картинку въ альбомъ.

Изъ этого періода сохранился акварельный портретъ будущаго поэта [2]). Неизвѣстный живописецъ изобразилъ на немъ прелестнаго мальчика, въ короткой курточкѣ, вродѣ той, которую носятъ ученики англійскихъ школъ. Милое выраженіе овальнаго лица и привѣтливая улыбка объясняютъ, почему этотъ ребенокъ пользовался всеобщей симпатіей.

На Толстого это путешествіе имѣло громадное вліяніе. „Изобразить всю силу моихъ впечатлѣній и весь переворотъ, совершившійся во мнѣ, когда открылись сокровища искусствъ душѣ моей, предчувствовавшей ихъ еще до той минуты, когда довелось ихъ видѣть — было невозможно“, — пишетъ онъ въ своей автобіографіи [3]). „Въ Венеціи мой дядя купилъ во дворцѣ Гримани

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1905 г., № 1.

[2]) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ“. Сезонъ 1900—1901 г.

[3]) Полное Собраніе сочиненій. Т. I, стр. XII.

бюстъ молодого фавна, приписываемый Микель-Анджело,—одна изъ великолѣпнѣйшихъ вещей, какія я только знаю... Когда бюстъ принесли въ отель, гдѣ мы жили, я не отходилъ отъ него. Ночью я вставалъ посмотрѣть на него, и нелѣпѣйшій страхъ мучилъ мое воображеніе. Я задавалъ себѣ вопросъ, что̀ мнѣ дѣлать, если вспыхнетъ пожаръ въ отелѣ, и пробовалъ, могу ли я въ такомъ случаѣ унести статую на своихъ рукахъ... По мѣрѣ переѣзда на югъ, росли во мнѣ энтузіазмъ и любовь къ искусству, такъ что, по возвращеніи въ Россію, я впалъ по Италіи въ настоящую тоску по родинѣ, въ какое-то отчаяніе, вслѣдствіе котораго я днемъ ничего не хотѣлъ ѣсть, а по ночамъ рыдалъ, когда сны мои уносили меня въ мой потерянный рай"...

Эти впечатлѣнія остались у Толстого на всю жизнь. Не даромъ онъ до гробовой доски остался вѣренъ поклоненію прекраснаго и такъ охотно возвращался въ Римъ.

Въ 1834 году мы застаемъ всю семью въ Москвѣ. А. А. Перовскій жилъ здѣсь бариномъ и меценатомъ. Онъ даже залучилъ къ себѣ въ домъ К. П. Брюллова, надѣясь заставить его работать и написать за крупный гонораръ семейные портреты. Но своеобразная натура художника взяла свое. Брюлловъ закутилъ и, къ великому огорченію мецената, чуть не тайкомъ убѣжалъ изъ его дома [1]). Въ это время были написаны К. П. Брюлловымъ портреты А. А. Перовскаго [2]) и гр. А. К. Толстого [3]); портрета графини Анны Алексѣевны Брюлловъ даже не началъ. Графъ А. К. Толстой изображенъ стройнымъ юношей, въ охотничьемъ костюмѣ, съ ружьемъ и лягавой собакой. По мнѣнію А. В. Мещерскаго, портретъ этотъ вполнѣ удался художнику, который „достигъ разительнаго сходства и опоэтизировалъ тѣ черты, которыя заслуживали художественной отдѣлки". Недаромъ все семейство было отъ этого портрета въ восторгѣ.

Въ это время Толстой поступилъ на службу въ московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ. Служба едвали была утомительная, потому что онъ одновременно числился студентомъ университета. Черезъ годъ, по Высочайшему повелѣнію, онъ получилъ отпускъ заграницу, вернулся 4-го ноября 1835 г. и почти тотчасъ же подалъ прошеніе о допущеніи его къ экзамену. Вѣроятно, требованія были въ то время не особенно строгія, или Толстой былъ достаточно хорошо подготовленъ. Экзаменъ онъ

[1]) Письма Пушкина. (Сочиненія. Изд. Литературнаго Фонда. 1884 г., т. VII, стр. 399 и 402).

[2]) Музей Александра III. „Историч. Вѣстн.", 1870 г., октябрь.

[3]) „Ежегодникъ Императорскихъ Театровъ". Сезонъ, 1900—1901 г.

выдержалъ, и 4 января 1836 г. совѣтъ университета выдалъ ему аттестатъ на вступленіе въ первый разрядъ чиновниковъ государственной службы [1]).

Изъ этого періода сохранились воспоминанія кн. А. В. Мещерскаго, который особенно подружился съ Толстымъ и говорилъ о немъ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ: „подобной ясной и свѣтлой души, такого отзывчиваго и нѣжнаго сердца, такого вѣчно присущаго въ человѣкѣ высокаго нравственнаго идеала, какъ у Толстого,—пишетъ кн. Мещерскій,—я въ жизни ни у кого не видалъ". Изъ умственныхъ его качествъ авторъ отмѣчаетъ необыкновенную память. Толстой всѣхъ поражалъ тѣмъ, что, бѣгло прочитавъ большую страницу прозы, онъ могъ, закрывъ книгу, дословно и безъ ошибки передать прочитанное.

13-го іюня Толстой вновь получилъ заграничный отпускъ на четыре мѣсяца для поѣздки въ Ниццу, куда онъ долженъ былъ сопровождать больного А. А. Перовскаго. Пользуясь этимъ разрѣшеніемъ, гр. Алексѣй Константиновичъ выѣхалъ изъ Москвы, но не попалъ заграницу. Болѣзнь А. А. Перовскаго неожиданно обострилась такъ сильно, что пришлось прервать путешествіе и остановиться въ Варшавѣ. Старанія врачей были тщетны, и 9-го іюля 1836 г. Перовскій умеръ на рукахъ своего Алеши.

Для Толстого это былъ большой ударъ, такъ какъ Перовскій любилъ и ласкалъ его, какъ родного сына, и назначилъ его наслѣдникомъ своего большого состоянія.

II.

Въ Москву гр. А. К. болѣе не вернулся. Похоронивъ дядю, онъ поспѣшилъ къ матери, которую смерть брата очень опечалила. Чтобы остаться при ней, онъ перевелся на службу въ Петербургъ, въ департаментъ хозяйственныхъ и счетныхъ дѣлъ, потомъ числился при нашей миссіи во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, а вернувшись въ Россію, служилъ при II отдѣленіи Собственной его величества канцеляріи. Кромѣ того, онъ состоялъ сначала камеръ-юнкеромъ, а съ 1851 г. церемоніймейстеромъ двора его императорскаго величества. Къ наслѣднику гр. Толстой, какъ

---

[1]) С. Казанскій. Замѣтка о службѣ гр. А. К. Толстого въ Московск. Главномъ Архивѣ Мин. Иностр. Дѣлъ („Русская Старина", т. 104, стр. 685—7).

[2]) „Изъ моей старины" („Русскій Архивъ" 1900 г., № 370). Языковъ. Гр. А. К. Толстой, стр. 17.

мы видѣли, былъ очень близокъ и имѣлъ право во всякое время входить къ нему безъ доклада [1]).

По словамъ В. Д. Давыдова, Толстой въ 40-хъ годахъ жилъ общею всѣмъ молодымъ людямъ свѣтскою жизнью, влюблялся съ увлеченіемъ, волочился съ настойчивостью, плясалъ на балахъ, билъ на охотѣ медвѣдей и лосей,—словомъ, участвовалъ во всѣхъ развлеченіяхъ молодежи [2]). Свѣтская жизнь была для него не безъ обаянія, но часто онъ убѣгалъ отъ нея, чтобы по цѣлымъ недѣлямъ пропадать въ лѣсахъ, иногда съ товарищемъ, но обыкновенно—одинъ [3]).

Внѣшность его въ значительной степени содѣйствовала его свѣтскимъ успѣхамъ. В. А. Инсарскій, встрѣчавшій его нерѣдко у кн. Барятинскаго, описываетъ его наружность слѣдующимъ образомъ: „Графъ Толстой былъ красивый молодой человѣкъ съ бѣлокурыми волосами и румянцемъ во всю щеку". „Нѣжность и деликатность настолько проникали всю его фигуру, что онъ похожъ былъ на красную дѣвицу". Но въ то же время Толстой славился среди товарищей своей силой: онъ „свертывалъ въ трубку столовыя ложки и вилки, вгонялъ пальцемъ въ стѣну гвозди и разгибалъ подковы" [4]).

Однако, несмотря на веселую свѣтскую жизнь, Толстой въ 40-хъ годахъ принялся уже серьезно за литературный трудъ. Въ своей автобіографіи Толстой сообщаетъ, что онъ „съ шести лѣтъ маралъ бумагу и писалъ стихи, а затѣмъ въ теченіе многихъ лѣтъ продолжалъ упражняться и совершенствоваться въ версификаціи". Тѣмъ не менѣе, первымъ его опытомъ была повѣсть „Упырь", написанная прозой. Это фантастическій разсказъ въ стилѣ Гофмана. Вліяніе А. А. Перовскаго чувствуется настолько, что Толстой даже выбралъ псевдонимъ по его примѣру. Перовскій извѣстенъ въ литературѣ подъ именемъ Погорѣльскаго, такъ какъ свою фамилію онъ замѣнилъ названіемъ своего имѣнія „Погорѣльцы"; а Толстой, идя той же дорогой, назвался „Краснорогскимъ", въ честь своего любимаго имѣнія Красный-Рогъ.

Къ разбору этой повѣсти мы еще вернемся, но пока приведемъ только письмо, при которомъ молодой авторъ, 11-го мая 1841 года, передалъ свой трудъ цензору, профессору А. В. Никитенкѣ.

„Препровождая къ вамъ мою рукопись „Упырь", я васъ по-

---

[1]) Записки Инсарскаго. „Русская Старина" 1894 г., т. 81, стр. 4.

[2]) „Русскій Архивъ" 1879 года, т. II, стр. 331.

[3]) Автобіографія, стр. XIV.

[4]) А. В. Мещерскій. „Изъ моей старины". Воспоминанія. („Русскій Архивъ" 1900 г., № 7, стр. 3731).

корнѣйше прошу принять на себя трудъ оную разсмотрѣть. Не полагая, что она въ себѣ заключаетъ что-либо противное законамъ цензуры, я почти увѣренъ, что вы, милостивый государь, какъ опытный и просвѣщенный цензоръ, не найдете нужнымъ въ ней дѣлать перемѣны. Впрочемъ, еслибы сверхъ моего чаянія, что-нибудь отъ меня ускользнуло, то я въ скоромъ времени буду имѣть честь просить васъ, дабы вы сообщили мнѣ свои замѣчанія".

Повѣсть была весьма дружелюбно встрѣчена критикой, и Бѣлинскій, обратилъ вниманіе на талантливаго автора и высказалъ, что, „отъ него можно въ будущемъ надѣяться многаго".

Въ это приблизительно время возникли, вѣроятно, и произведенія „Козьмы Пруткова", потому что сотрудники по этому изданію, его двоюродные братья Владиміръ и Алексѣй Жемчужниковы, служили въ 40-хъ годахъ въ Петербургѣ и удивляли весь столичный міръ своими веселыми шутками, которые и въ наши дни еще не забыты.

Въ 1849 году мы находимъ Толстого въ Калугѣ; онъ былъ командированъ туда въ качествѣ чиновника при сенаторѣ кн. Давыдовѣ, которому было поручено ревизовать калужскую губернію. Здѣсь онъ близко сошелся съ семьею мѣстнаго губернатора Смирнова; его жена Александра Іосифовна, урожденная Росетти, была женщина выдающагося ума и хорошо извѣстна въ нашей литературѣ по своимъ отношеніямъ къ Пушкину, Гоголю, Вяземскому и И. С. Аксакову. Толстому, повидимому, очень понравилось въ Калугѣ; онъ гостилъ въ имѣніи Смирновыхъ Бѣгичевѣ, охотился вмѣстѣ съ хозяиномъ, читалъ хозяйкѣ своей стихи и бесѣдовалъ съ ея друзьями [1]). Зиму 1850 г. Толстой цѣликомъ провелъ въ Калугѣ, послѣ того, какъ онъ съѣздилъ въ Почепъ провѣдать больного дядю, Василія Алексѣевича Перовскаго. — Исполняя разныя порученія для кн. Давыдова, Толстой находилъ время заниматься литературой и много работалъ надъ „Княземъ Серебрянымъ" [2]). Въ 1850 г. онъ читалъ лицамъ избраннаго калужскаго общества первыя главы этого романа, а также рядъ своихъ стихотвореній, былинъ и даже планъ „Трилогіи".

Въ числѣ лицъ, гостившихъ у Смирновыхъ, былъ и Гоголь, который очень полюбилъ молодого поэта. Съ нимъ Толстой встрѣтился впервые въ концѣ 30-хъ годовъ [3]), но только въ Калугѣ у Смирновой они познакомились и оцѣнили другъ друга.

---

[1]) „Русская Старина" 1888 г., т. 58, стр. 67 и 1890 г., т. 68, стр. 654.

[2]) Воспоминанія Н. М. Колмакова. „Русская Старина" 1886 г., т. 52, стр. 519—520.

[3]) Кулишъ. Записки о жизни Гоголя, т. 1, стр. 231—233.

Въ это время Гоголь сталъ хлопотать о полученіи паспорта для поѣздки на Востокъ. Толстой совѣтовалъ ему прямо обратиться къ наслѣднику Александру Николаевичу и составилъ ему даже черновикъ письма. Съ отъѣздомъ изъ Калуги, отношенія эти не порвались, и во время тяжкой болѣзни Гоголя графъ А. К. Толстой принималъ горячее въ немъ участіе [1]).

Такъ шла жизнь его въ теченіе 40-хъ и начала 50-хъ годовъ. Жилось ему весело и беззаботно, какъ богатому, независимому человѣку, для котораго занятіе службой и литературой является пріятной забавой, а не средствомъ въ борьбѣ за кусокъ хлѣба. Но грянулъ громъ, который заставилъ встрепенуться все русское общество. Настало грустное время крымской войны. Рядъ дипломатическихъ и военныхъ неудачъ убѣдилъ русское общество въ томъ, что въ нашей странѣ творится неладное. Въ то же время любовь къ родинѣ и сознаніе своихъ обязанностей предъ отчизной заставили многихъ молодыхъ людей стать въ ряды ополченія. Въ числѣ послѣднихъ былъ и гр. Толстой. Сначала онъ вздумалъ навербовать и вооружить на свои средства отрядъ добровольцевъ; потомъ, когда эта затѣя не удалась, онъ носился съ мыслью купить корабли и повести каперскую войну противъ Англіи. Но всѣ его планы разбились, ибо нельзя частному лицу вести борьбу со всемірной державой. Тогда Толстой пошелъ прямой дорогой и перешелъ на военную службу. Получивъ чинъ маіора, онъ вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ и близкимъ другомъ, Владиміромъ Жемчужниковымъ, поступилъ въ стрѣлковый полкъ Императорской Фамиліи. Въ это время подъема патріотическаго чувства Толстой написалъ двѣ пѣсни: „Слава“ и „Чарочка“, которыя очень понравились царю и царицѣ и вскорѣ были приняты для пѣнія въ полковыхъ хорахъ. Особенно распространена „Слава“, появившаяся въ печати подъ заглавіемъ: „Пѣсня стрѣлковъ Императорской Фамиліи“ [2]). Неизвѣстно, почему эти двѣ пьесы не попали въ „Полное Собраніе сочиненій“ нашего поэта [3]).

Въ сентябрѣ 1855 г. Толстой выступилъ съ своимъ полкомъ въ походъ [4]). Въ дорогѣ онъ написалъ небольшое стихотвореніе, которое прекрасно рисуетъ настроеніе его и тогдашняго общества:

Въ колоколъ, мирно дремавшій, съ налета тяжелая бомба
Грянула. Съ трескомъ кругомъ отъ нея разлетѣлись осколки,

[1]) Шенрокъ. Матеріалы для біографіи Гоголя. Т. IV, стр. 780.

[2]) Языковъ. „Гр. А. К. Толстой“, стр. 28.

[3]) Онѣ напечатаны въ „Отечеств. Запискахъ“ 1855 г., т. 51, кн. 8, стр. 315—316.

[4]) „Вѣстникъ Европы“, 1897 г., IV, стр. 624.

Онъ же вздрогнулъ—и къ народу могучіе мѣдные звуки
Вдаль потекли, негодуя, гудя и на бой призывая.

Гр. А. К., какъ и всѣ лучшіе люди того времени, стремился въ Севастополь, чтобы грудью стать противъ врага. Но полкъ его былъ направленъ не въ Крымъ, а для защиты Одессы. Несмотря на то, что общество офицеровъ было для Толстого чужимъ, онъ скоро освоился съ своимъ положеніемъ и пріобрѣлъ общія симпатіи. С. М. Загоскинъ отзывается о немъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ [1]). „Умнѣйшимъ и интереснѣйшимъ изъ всѣхъ офицеровъ,—говоритъ онъ,—былъ, безспорно, гр. А. К. Толстой. Несмотря на свое видное уже тогда общественное положеніе, онъ былъ, какъ и во всю свою остальную жизнь, скромнымъ и привѣтливымъ человѣкомъ, чрезвычайно мягкаго характера и рѣдкаго остроумія. Товарищи его искренно любили, а его появленіе въ обществѣ доставляло не только молодежи, но и людямъ пожилымъ не одно простое удовольствіе, а какое-то отрадное чувство, превращающееся въ поклоненіе его уму и сердцу“.

Однако судьба чуть не сыграла съ нимъ очень злой шутки. Англійскихъ пуль и штыковъ онъ подъ Одессой не видалъ; но зато появился врагъ самаго предательскаго свойства. Въ полку развился сильный тифъ. Заболѣваемость и смертность стали усиливаться съ ужасающей быстротой, и къ январю 1856 года чуть не половина полка лежала уже въ лазаретѣ. Здоровая и крѣпкая натура Толстого долго боролась съ надвигавшейся опасностью, но, наконецъ, въ началѣ февраля и онъ свалился. Болѣзнь оказалась настолько серьезной и къ началу марта такъ обострилась, что врачи стали опасаться за жизнь паціента. Зная, насколько государь императоръ интересовался судьбой своего сверстника и друга, командиръ полка ежедневно доносилъ ему по телеграфу о состояніи больного. Къ счастью, молодыя силы взяли свое, и Толстой выздоровѣлъ.

Надо сказать, что и уходъ за больнымъ былъ совершенно исключительный. Года за три до войны, гр. Толстой познакомился въ петербургскомъ обществѣ съ женой полковника Софьей Андреевной Миллеръ, урожденной Бахметьевой. Одно изъ его лучшихъ стихотвореній говоритъ объ ихъ первой встрѣчѣ:

Средь шумнаго бала случайно,
Въ тревогѣ мірской суеты,
Тебя я увидѣлъ, но тайна
Твои покрывала черты.

[1]) „Историческій Вѣстникъ“, 1900 г., № 6.

Судя по письмамъ, съ 1851 или 1852 года между ними установились сердечныя отношенія, и Толстой всей душой отдался обаянію этой женщины. Когда онъ заболѣлъ, Софья Андреевна, презрѣвъ всѣ свѣтскія условности, пріѣхала въ зараженный тифомъ городъ, чтобы ходить за дорогимъ человѣкомъ.

Прошла болѣзнь, миновала опасность, кончилась кровопролитная война. Желая возстановить свои силы, гр. Толстой, Владиміръ Жемчужниковъ, который также проболѣлъ тифомъ, и Софья Андреевна [1]) отправились на нѣсколько недѣль въ Крымъ.

Этой поѣздкѣ мы обязаны „Крымскими очерками“ [2]). Читая эти стихотворенія, увлекаешься картинами южной природы и поддаешься обаянію автора, юморъ котораго бьетъ ключомъ. Да это и понятно: человѣкъ, который всталъ съ одра болѣзни, счастливъ, когда онъ дышетъ полной грудью и можетъ двигаться до усталости.

Эти стихотворенія уже въ 1856 г. появились въ печати, только самое граціозное и самое интимное изъ нихъ,—

„Ты помнишь ли вечеръ, какъ море шумѣло“...

—было напечатано три года позднѣе.

Вернувшись изъ Крыма, наши путешественники остановились въ Кіевѣ, а затѣмъ Толстой, вмѣстѣ съ своимъ двоюроднымъ братомъ Львомъ Жемчужниковымъ, уѣхалъ въ Красный-Рогъ, гдѣ ждала его мать.

Несмотря на радость свиданія послѣ долгой разлуки и миновавшей опасности, между Анной Алексѣевной и ея сыномъ произошли рѣзкія объясненія: „она не только не сочувствовала тѣмъ отношеніямъ, которыя установились между ея Алешей и Софьей Андреевной, но была прямо возмущена ими и относилась съ полнымъ недовѣріемъ къ искренности его невѣсты. Не разъ между ней и Львомъ Жемчужниковымъ [3]), тайно отъ сына, шли бесѣды. Графиня была до того взволнована, что во время рѣчи слезы такъ и капали изъ ея глазъ. Съ другой стороны, у сына сердце разрывалось на части. Толстой обожалъ свою мать, но и любилъ Софью Андреевну самымъ искреннимъ образомъ. Однажды у него завязалось горячее объясненіе съ Львомъ Жемчужниковымъ... Забравшись въ березнякъ, они усѣлись на травѣ, и Толстой сталъ говорить о томъ, что наболѣло у него на душѣ.

---

[1]) Воспоминанія Льва Жемчужникова. „Вѣстн. Европы“, 1899 г., кн. 12.

[2]) „Вѣстн. Европы“, 1897 г., кн. 5, стр. 269.

[3]) Его воспоминанія („Вѣстн. Европы“, 1899 г., № 11, стр. 260).

„Сколько въ его глазахъ и словахъ выражалось любви къ Софьѣ Андреевнѣ, которую онъ называлъ умной, милой, талантливой, доброй, образованной и—прекрасной души! Его глубоко огорчало, что мать безконечно груститъ, ревнуетъ и предубѣждена противъ Софьи Андреевны, несправедливо обвиняя ее въ лживости и разсчетахъ. Такое обвиненіе должно было перевернуть все существо такого добраго, честнаго и рыцарски-благороднаго человѣка, какимъ былъ Толстой"...

Нельзя не сознаться, что въ этихъ недоразумѣніяхъ играла значительную роль материнская ревность графини. Много лѣтъ тому назадъ, Толстой увлекся сестрою своего университетскаго товарища, княжной Мещерской, и хотѣлъ сдѣлать ей предложеніе, но графиня Анна Алексѣевна безъ всякой уважительной причины этому воспротивилась. „Алексѣй Константиновичъ, который обожалъ свою мать, подчинился ея волѣ и почти до сорока лѣтъ оставался холостякомъ [1]).

Но всякой борьбѣ и колебаніямъ бываетъ конецъ. Прошло нѣсколько времени, и горячая любовь взяла верхъ. Въ 1857 г. Софья Андреевна, получивъ разводъ отъ своего мужа, Л. Ф. Миллера, сдѣлалась женой гр. А. К. Толстого [2]),—и вся ихъ жизнь доказала, насколько онъ былъ правъ, настоявъ на своемъ выборѣ.

Прошла „гроза военной непогоды", наступило свѣтлое царствованіе императора Александра II. Толстой былъ обласканъ и приближенъ къ особѣ государя. Въ коронацію 26-го августа онъ былъ назначенъ флигель-адъютантомъ; его старались втянуть въ административную машину, давая ему разныя порученія, и назначили, напримѣръ, членомъ коммиссіи о сектантахъ. Но Толстой исполнялъ эти работы весьма неохотно. Онъ тяготился своимъ положеніемъ при дворѣ, обязанностью носить мундиръ, порученіями, для исполненія которыхъ у него не хватало спеціальныхъ свѣдѣній, наконецъ—своимъ отношеніемъ къ сослуживцамъ, среди которыхъ многіе косились на него за его прямой характеръ, чуждый всякой корысти и интриги. Въ то же время, безсиліе устранить злоупотребленія, которыя онъ видѣлъ на каждомъ шагу, вызывало у него самыя грустныя мысли: „государь всѣмъ желаетъ добра, но ему такъ дурно служатъ",—пишетъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ.

---

[1]) А. В. Мещерскій. „Изъ моей старины" („Русск. Архивъ" 1900 г., № 7, стр. 370).

[2]) Языковъ, стр. 27. „Русскій Архивъ" 1896 г., I, стр. 132.

Нелюбовь къ службѣ сидѣла у него въ душѣ уже много лѣтъ; только вліяніе матери и старшихъ родственниковъ удерживало его отъ рѣзкаго поступка. Еще въ 1851 г. онъ жалуется въ одномъ изъ своихъ писемъ, что ему противны „люди, которые подъ предлогомъ, что они служатъ, — живутъ интригами, одна грязнѣе другой". Въ томъ же письмѣ у него вырывается слѣдующая фраза: „Помоги мнѣ жить внѣ мундировъ и парадовъ. Съ ранняго дѣтства я чувствовалъ влеченіе къ художеству и отвращеніе къ чиновничеству и капрализму" [1]). Столь сильное чувство не можетъ заглохнуть въ груди; сколько бы его ни удерживали, оно рано или поздно вырвется наружу.

1-го іюня 1857 г. умерла Анна Алексѣевна, которую гр. Алексѣй Константиновичъ любилъ самымъ искреннимъ образомъ. При ея жизни онъ не рѣшался отказаться отъ службы. Но когда ея смерть уничтожила это препятствіе, Толстой, собравшись съ духомъ, подалъ государю просьбу объ отставкѣ, изложивъ въ пространномъ письмѣ тѣ соображенія, которыя побудили его къ этому поступку. Письмо это настолько интересно, что мы считаемъ своимъ долгомъ привести его цѣликомъ [2]).

„Ваше Величество.

„Долго думалъ я о способѣ, какимъ слѣдовало бы мнѣ изложить Вашему Величеству одно дѣло, близкое моему сердцу, и пришелъ къ заключенію, что прямой путь, какъ и во всемъ, самый лучшій. Служба, какова бы она ни была, глубоко противна моей природѣ. Я сознаю, что всякій, по мѣрѣ силъ, долженъ быть полезенъ своему отечеству, но есть разные способы быть полезнымъ. Способъ, указанный мнѣ Провидѣніемъ, — мое литературное дарованіе, и всякій другой путь для меня невозможенъ. Я всегда буду плохимъ администраторомъ, плохимъ чиновникомъ, но думаю, что безъ самообольщенія могу сказать, что я хорошій писатель. Это призваніе для меня не ново, я бы слѣдовалъ ему давно, еслибъ въ продолженіе нѣкотораго времени (до сорока лѣтъ) не почиталъ себя обязаннымъ насиловать своего влеченія изъ уваженія къ моимъ родителямъ, которые не раздѣляли моихъ взглядовъ на этотъ счетъ. Такимъ образомъ, я сперва служилъ въ гражданскомъ вѣдомствѣ. Когда разразилась крымская война, я, какъ всѣ, сдѣлался военнымъ. Когда война окончилась, я собирался бросить службу, чтобы всецѣло посвятить себя литературѣ. Вашему Величеству угодно было увѣдомить меня че-

[1]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., IV, стр. 593—5.

[2]) „С.-Петербургскія Вѣдомости" и „Южный Край".

резъ дядю моего, графа Перовскаго, о намѣреніи Вашемъ назначить меня состоять при Вашей Особѣ. Я изложилъ моему дядѣ мои сомнѣнія и колебанія въ письмѣ, которое онъ Вамъ представилъ, но такъ какъ онъ повторилъ мнѣ Высочайшую Вашего Императорскаго Величества Волю, то я подчинился и сдѣлался флигель-адъютантомъ. Я надѣялся тогда побѣдить мою природу—художника, но опытъ доказалъ мнѣ, что я боролся съ ней напрасно. Служба и искусство несовмѣстимы. Одно вредитъ другому, и нужно выбирать одно изъ двухъ. Конечно, большаго одобренія заслуживало бы дѣятельное участіе въ государственной машинѣ, но въ способности къ службѣ судьба мнѣ отказала, между тѣмъ какъ другое призваніе мнѣ дано.

„Ваше Величество, меня смущаетъ мое положеніе, ибо я ношу мундиръ, связанныя же съ нимъ обязанности достойно исполнять не могу.

„Благородное сердце Вашего Величества проститъ мнѣ, если я теперь умоляю его окончательно уволить меня въ отставку, не для того, чтобы удалиться отъ Вашего Величества, но чтобы вступить на ясно начертанный путь и перестать быть птицей, наряженной въ чужія перья.

„Что же касается Васъ, Государь, котораго я никогда не перестану любить и уважать,—я имѣю способъ служить Вашей Особѣ, и я счастливъ предложить его Вашему Величеству: это быть безстрашнымъ сказателемъ правды—единственная должность, которая мнѣ подходитъ, и къ счастью не требуетъ мундира. Я не былъ бы достоинъ этой должности, Ваше Величество, еслибы я въ моемъ настоящемъ положеніи что-нибудь скрывалъ или искалъ предлоговъ. Я открылъ Вашему Величеству все мое сердце, какъ я всегда готовъ это сдѣлать, потому что предпочитаю навлечь на себя неудовольствіе, чѣмъ потерять уваженіе Вашего Величества. Еслибы, тѣмъ не менѣе, Ваше Величество рѣшило предоставить право приближаться къ Особѣ Вашего Императорскаго Величества лишь тѣмъ лицамъ, которыя имѣютъ оффиціальное положеніе, позвольте мнѣ опять скромно сдѣлаться камеръ-юнкеромъ Двора Его Императорскаго Величества, каковымъ я былъ до войны, ибо единственное честолюбіе мое оставаться Вашего Императорскаго Величества самымъ преданнымъ подданнымъ.—Графъ А. Толстой“.

Отставка была принята нѣсколько холодно [1]), но государь, желая, чтобы другъ его дѣтства оставался въ придворномъ зва-

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 287.

ніи, назначилъ его егермейстеромъ. Это званіе гр. Алексѣй Константиновичъ носилъ до конца своей жизни.

Выходъ въ отставку является краеугольнымъ камнемъ въ жизни Толстого. Только съ этого времени онъ могъ отдаться всецѣло творчеству и въ короткій періодъ—менѣе двадцати лѣтъ—обогатить нашу литературу цѣлымъ рядомъ крупныхъ произведеній. Еслибы у него не хватило характера, и онъ остался на службѣ, то о такой производительной работѣ не было бы и рѣчи.

Неоднократно было указано критикой, что поэма „Іоаннъ Дамаскинъ" содержитъ массу автобіографическихъ чертъ. Дѣйствительно, параллель напрашивается сама собою. Та же близость къ престолу, та же милость монарха, и въ то же время полное презрѣніе къ власти и желаніе отдаться всецѣло своему призванію. Вторая глава этой поэмы начинается съ слѣдующихъ восторженныхъ строфъ:

Благословляю васъ, лѣса,
Долины, нивы, горы, воды,
Благословляю я свободу
И голубыя небеса!
И посохъ мой благословляю,
И эту бѣдную суму,
И степь отъ края и до края,
И солнца свѣтъ, и ночи тьму,
И одинокую тропинку,
По коей нищій я иду,
И въ полѣ каждую былинку,
И въ небѣ каждую звѣзду...

Князь Церетелевъ [1]) безусловно правъ, утверждая, что это замѣчательно красивое и сильное мѣсто—не объективная передача стариннаго преданія, а выраженіе того радостнаго чувства, которое охватило Толстого, когда онъ вырвался на свободу и вздохнулъ полной грудью.

Однородный мотивъ мы находимъ въ прелестномъ лирическомъ стихотвореніи:

Звонче жаворонка пѣнье,
Ярче вешніе цвѣты,
Сердце полно вдохновенья,
Небо полно красоты.

Разорвавъ тоски оковы,
Цѣпи пошлыя разбивъ,
Набѣгаетъ жизни новой
Торжествующій приливъ.

[1]) „Русскій Вѣстникъ" 1900 г., № 11.

И звучитъ свѣжо и юно
Новыхъ силъ могучій строй,
Какъ натянутыя струны
Между небомъ и землей...

III.

Съ выходомъ въ отставку, отношенія гр. Толстого къ государю стали нѣсколько холоднѣе, хотя государь попрежнему уважалъ его, какъ честнаго и искренняго человѣка. Зато съ государыней Маріей Александровной у него установилась самая сердечная дружба. Онъ всегда былъ любимымъ гостемъ, котораго она цѣнила, какъ веселаго и любезнаго собесѣдника. Поэтому онъ подолгу гостилъ у нея въ Ливадіи, Швальбахѣ, Сорренто и С.-Ремо. Всѣ его произведенія: лирическія вещи, „Донъ-Жуанъ", „Трилогія" и даже сатирическія поэмы, „Исторія Россіи" и „Сонъ Попова", читались ей прежде, чѣмъ они появлялись въ печати. Ея полное вниманіе было достойной наградой поэта, а ея остроумныя замѣчанія доказывали, что она умѣла понимать и цѣнить достоинства художественнаго произведенія. Когда гр. Толстой прочелъ свои „Колокольчики", государыня выразила желаніе, чтобы онъ посвятилъ ей весь сборникъ; при этомъ она прибавила: „Я не хочу, чтобы цензура скромсала его" [1]). Понятно, что, при такомъ отношеніи къ нему, гр. А. К. преклонялся передъ своей державной покровительницей. „Императрица все дѣлаетъ, что̀ ей позволяетъ ея добрый и мягкій характеръ, — писалъ онъ [2]). — Это женщина, которую я люблю и уважаю всѣмъ сердцемъ... Я нахожу, что ее не умѣютъ цѣнить достаточно". Онъ чрезвычайно охотно читалъ ей свои произведенія: „Какое удовольствіе имѣть государыню [3]) своей слушательницей! Изъ всѣхъ слушателей, настоящихъ и прошедшихъ, я ей читаю съ наибольшимъ удовольствіемъ. Ничто отъ нея не ускользаетъ. Она все понимаетъ, все отгадываетъ, и ея подвижное лицо отражаетъ всѣ оттѣнки и подбодряетъ чтеца вносить выраженіе въ его чтеніе".

Приведенные факты чрезвычайно важны, такъ какъ они объясняютъ намъ тѣ чувства, которыя вылились у поэта въ его прекрасномъ посвященіи. Это стихотвореніе настолько тепло,

---

[1]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., V, стр. 273.
[2]) „Вѣстн. Европы" 1897 г., V, стр. 271.
[3]) Тамъ же 1895 г. № XI, стр. 170.

красиво и искренно, что оно занимаетъ видное мѣсто среди многочисленныхъ его произведеній.

Выйдя въ отставку, гр. А. К. Толстой поселился въ деревнѣ и только временами заглядывалъ въ столицу. Ему достались отъ дяди два имѣнія: Пустынка, близъ Любани, и большое помѣстье Красный-Рогъ въ мглинскомъ уѣздѣ, т.-е. въ сѣверномъ углу Малороссіи.

Пустынка имѣла ту прелесть, что она находилась вблизи Петербурга и давала возможность столичнымъ жителямъ воспользоваться на короткій срокъ гостепріимствомъ любезныхъ хозяевъ. По словамъ А. Никитенки [1]), который гостилъ тамъ въ маѣ 1876 г., „барскій домъ былъ построенъ на берегу рѣки Тосны въ родѣ роскошнаго замка. Все въ домѣ было изящно, удобно и просто. Самая мѣстность усадьбы интересна. Ѣдешь къ ней по гнусному ингерманландскому болоту и вдругъ неожиданно натыкаешься на рѣку Тосну, окаймленную высокими и живописными берегами. На противоположномъ ея берегу стоитъ домъ, который, такимъ образомъ, представляетъ красивое и поэтическое убѣжище". Здѣсь гостили нерѣдко многіе изъ петербургскихъ литераторовъ и ученыхъ, Гончаровъ, Полонскій, Маркевичъ, Костомаровъ, Благовѣщенскій; здѣсь Каролина Павлова переводила „Трилогію", и сюда въ 1867 г. Толстой привезъ актера Васильева, чтобы онъ „вдали отъ шумнаго свѣта" могъ заняться изученіемъ роли Грознаго. Въ 1865 г. въ Пустынку пріѣзжали великіе князья Александръ Александровичъ, впослѣдствіи государь Александръ III, и Владиміръ Александровичъ. Болеславъ Маркевичъ, который имѣлъ репутацію прекраснаго декламатора, читалъ имъ только-что оконченную трагедію „Смерть Іоанна Грознаго".

Лично для Толстого Пустынка имѣла большую прелесть въ тѣ годы, когда онъ постоянно жилъ въ столицѣ. Сюда онъ убѣгалъ отъ свѣтскихъ удовольствій, дышалъ въ лѣсахъ полной грудью и билъ медвѣдей и лосей.

Съ выходомъ въ отставку, его резиденціей сдѣлался Красный-Рогъ. Тамъ онъ въ кругу семьи, съ 1859 по 1875 г., закончилъ почти всѣ свои крупныя произведенія. Жизнь Толстого въ это время можно назвать прямо завидной, потому что графиня Софья Андреевна дала своему мужу все счастье, которое женщина можетъ подарить любимому человѣку. „Графиня была некрасива, но сложена превосходно, и всѣ движенія ея были до такой сте-

[1]) Дневникъ А. Никитенки, т. 2, стр. 153.

пени мягки, женственны, а голосъ ея былъ такъ симпатиченъ и музыкаленъ, что очаровывалъ собесѣдника". — По словамъ Е. Ю. Хвощинской, изъ воспоминаній которой мы заимствуемъ эти строки [1]), Софья Андреевна живая встаетъ передъ нашими глазами, когда читаешь поэтическія произведенія гр. А. Толстого. Особенно хорошо она описана въ слѣдующихъ строкахъ его извѣстнаго стихотворенія:

Лишь очи печально глядѣли,
А голосъ такъ дивно звучалъ,
Какъ звонъ отдаленной свирѣли,
Какъ моря играющій валъ.

Мнѣ станъ твой понравился тонкій
И весь твой задумчивый видъ,
А смѣхъ твой, и грустный, и звонкій,
Съ тѣхъ поръ въ моемъ сердцѣ звучитъ.

Въ чемъ бы ни состояла причина обаянія, но Толстой любилъ эту женщину всю жизнь и любилъ искренно только ее одну. Какъ она ему была дорога, насколько онъ былъ къ ней привязанъ до послѣднихъ дней своихъ, видно изъ слѣдующихъ писемъ, въ которыхъ страсть бьетъ ключомъ. „Я крѣпко увѣренъ, что предназначенъ написать что-нибудь хорошее,—пишетъ онъ ей изъ Курска 8-го декабря 1857 г. [2]);—я это чувствую, какъ какую-то вѣру, какое-то убѣжденіе, но еслибы ты для меня исчезла, священный огонь бы потухъ самъ собою. Я все отношу къ тебѣ: славу, счастье, существованіе; безъ тебя ничего мнѣ не остается и я себѣ сдѣлаюсь отвратительнымъ". Другое письмо, еще болѣе сердечное, написано въ 1876 г. [3]), т.-е. девятнадцать лѣтъ спустя: „Вотъ я опять въ Дрезденѣ, и мнѣ тяжело на сердцѣ, когда вижу опять эти улицы, эту гостинницу и эту комнату безъ тебя. Я только-что пріѣхалъ въ 3¼ ч. утра и не могу лечь, не сказавъ тебѣ то, что говорю тебѣ уже двадцать лѣтъ,—что я не могу жить безъ тебя, что ты—мое единственное сокровище на землѣ, и я плачу надъ этимъ письмомъ, какъ плакалъ двадцать лѣтъ тому назадъ. Кровь застываетъ въ сердцѣ при одной мысли, что я могу тебя потерять. Думая о тебѣ, я въ твоемъ образѣ не вижу ни одной тѣни, *ни одной*, все лишь свѣтъ и счастье"...

Секретъ такой сильной и постоянной привязанности кроется, конечно, въ умѣ и сердцѣ гр. Софьи Андреевны. Понятно, что

[1]) „Русская Старина" 1894 г., т. 94, стр. 642.
[2]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., V, стр. 283.
[3]) Тамъ же 1897 г., VII, стр. 65.

это была женщина недюжинная. Будущему біографу предстоитъ выяснить степень вліянія С. А. на творчество мужа. Но уже и теперь видно изъ цѣлаго ряда писемъ, что это вліяніе существовало въ сильной степени. Графъ читалъ ей свои произведенія и прислушивался къ ея указаніямъ, зная, что въ ея лицѣ онъ имѣетъ безпристрастнаго и дѣльнаго критика [1]). Съ неменьшимъ уваженіемъ относился къ гр. Софьѣ Андреевнѣ старый другъ ихъ семьи, Болеславъ Маркевичъ. „Если вы пріѣдете одни, то я требую, чтобы вы оставались у меня,—пишетъ онъ графу 3-го декабря 1870 г. [2]);—для меня было бы счастье читать и бесѣдовать съ вами среди глубокой ночи. Правда, отсутствіе графини будетъ очень чувствительно,—безъ нея нѣтъ настоящей бесѣды, нѣтъ магнита, нѣтъ почвы подъ ногами".

Софья Андреевна не только критически относилась къ работамъ своего мужа, указывая ему замѣченные недостатки и подбодряя его своей похвалой, но и разыскивала для него матеріалы. Это особенно ясно установлено относительно „Посадника", такъ какъ въ письмѣ отъ 10-го іюля 1870 г. Толстой набросалъ ей цѣлую программу для собиранія свѣдѣній о новогородской жизни XVI вѣка.

Однимъ словомъ, между графомъ А. К. Толстымъ и его женою установились самыя хорошія и теплыя отношенія: они жили общей жизнью, и жена была лучшимъ другомъ, помощникомъ и совѣтникомъ своего мужа.

Кромѣ самихъ супруговъ, семью Толстого составляла дѣтвора. Своихъ дѣтей у нихъ не было; поэтому гр. А. К. воспитывалъ племянниковъ жены и привязался къ нимъ всей душой. Объ его тепломъ и сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ можно судить по слѣдующему письму. „Дѣти чувствуютъ, что я ихъ люблю; какъ только я вхожу въ комнату, всѣ кричатъ и бросаются мнѣ на шею. Андрейка первый. Они всѣ на меня садятся и дергаютъ во всѣ стороны. Андрейка мнѣ разсказываетъ длинныя исторіи о звѣряхъ. Онъ видитъ во снѣ, что я ему привожу ихъ и что мы вмѣстѣ путешествуемъ по Америкѣ... Я обѣщалъ ему вскорѣ, что я его во снѣ поведу въ пальмовый лѣсъ, въ которомъ на всякомъ деревѣ будетъ сидѣть обезьяна и играть на скрипкѣ... и онъ ждетъ этого путешествія съ большимъ нетерпѣніемъ"... Необходимо добавить, что Андрейка, о которомъ идетъ рѣчь, былъ племянникомъ Софьи Андреевны. Когда онъ подросъ, то

[1]) „Вѣстн. Европы" 1895 г., X, стр. 656; XI, стр. 179.

[2]) Письма Б. М. Маркевича къ гр. А. К. Толстому. Спб. 1888 г., стр. 122.

Толстой очень имъ гордился, считая его за честнаго и отличнаго малаго. Андрейка былъ его товарищъ по шахматной игрѣ и по охотѣ [1]).

Кромѣ семьи, графа А. К. Толстого удерживала на югѣ его страстная любовь къ охотѣ и къ мѣстной природѣ.

Если въ Пустынкѣ, среди сѣверныхъ сосенъ, онъ билъ медвѣдей и лосей, то здѣсь, на югѣ, его любимая охота была на глухарей. Какъ онъ обожалъ южную природу и какъ благотворно она дѣйствовала на его душу, видно изъ слѣдующихъ писемъ, которыя полны поэзіи.

„Еслибы вы знали, дорогой Яковъ Петровичъ, какое это великолѣпіе Красный-Рогъ лѣтомъ и осенью!—пишетъ онъ Полонскому [2]).—Лѣса кругомъ на пятьдесятъ верстъ и болѣе, луга и лощины такіе красивые, какихъ я нигдѣ не видалъ, а осенью, особенно въ эту осень, не выѣзжаешь изъ золота и пурпура. Это было до того торжественно, что слезы навертывались на глаза“...

„Я радуюсь, какъ ребенокъ,—пишетъ онъ въ другомъ письмѣ Маркевичу,—случаю угостить Андрея новой охотой на глухарей, которую и вы, не будучи охотникомъ, все-таки бы оцѣнили ради ея поэтической обстановки. Вообразите себѣ весеннюю ночь, теплую, темную, звѣздную посреди лѣсовъ. Вы сидите у костра; сухой хворостъ пламенѣетъ, кричатъ цапли въ болотѣ... и потомъ, прыжокъ за прыжкомъ, вы подходите къ глухарю, поющему свою таинственную, возбуждающую пѣснь. А если ночь лунная, то вамъ видно, какъ глухарь распускаетъ хвостъ и охорашивается на вѣткѣ ели... Что̀ можетъ быть поэтичнѣе на свѣтѣ?“

Третье письмо [3]): „Сегодня суббота, и звонъ колоколовъ нашей маленькой церкви сливается съ соловьинымъ пѣніемъ и иволгой... Ничто не молчитъ кругомъ, все поетъ и радуется веснѣ... Я самъ чувствую, что готовъ запѣть. Всѣ деревья зелены; глухари болѣе не токуютъ, но лѣсные бекасы еще лучше запѣли... Господи, какая красота весна!... Неужто мы на томъ свѣтѣ будемъ еще счастливѣе, чѣмъ здѣсь весной?“

Кто можетъ говорить съ такимъ восторгомъ о лѣсѣ и природѣ, тому легче живется въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Но, поселившись въ своемъ помѣстьѣ, графъ не терялъ связи съ міромъ. Онъ почти ежегодно пріѣзжалъ въ столицу, въ особен-

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1897 г., V, стр. 280; 1895 г., XI, стр. 181.
[2]) „Русская Старина“ 1884 г., т. I, стр. 197.
[3]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

ности если этого требовали дѣла; всю зиму 1867 года, когда ставилась на Александринской сценѣ „Смерть Іоанна Грознаго“, онъ прожилъ въ Петербургѣ; нерѣдко гостилъ въ Крыму у государыни и каждый годъ ѣздилъ заграницу. Благодаря своимъ связямъ, онъ во время этихъ поѣздокъ знакомился съ цѣлымъ рядомъ интересныхъ личностей; напримѣръ, съ историкомъ Грегоровіусомъ и съ его пріятелями Сабатье и Гильдебрантомъ, которые постоянно жили во Флоренціи и немало потрудились надъ ознакомленіемъ своихъ земляковъ съ жизнью и бытомъ Италіи. Съ ними онъ особенно сошелся зимой 1872 г., когда онъ самъ жилъ въ столицѣ Тосканы.

Очень интересно было для Толстого посѣщеніе Веймара. Великій герцогъ Карлъ-Александръ встрѣтилъ его какъ родного и напомнилъ ему тѣ годы, когда они были дѣтьми и вмѣстѣ играли въ паркѣ. По его желанію, въ 1868 г. „Смерть Іоанна Грознаго“ была поставлена въ мѣстномъ придворномъ театрѣ, въ переводѣ г-жи Павловой.

Но помимо герцога, Толстой нашелъ въ Веймарѣ рядъ другихъ лицъ, которыя ему были очень близки. Тамъ проживала княгиня Каролина Сайнъ-Витгенштейнъ, и черезъ ея посредство онъ познакомился и подружился съ Листомъ. Съ тѣхъ поръ между этимъ послѣднимъ и Толстымъ установились самыя сердечныя отношенія. Знаменитому піанисту чрезвычайно нравились стихотворенія нашего поэта, которыя онъ прочелъ въ переводѣ Павловой, а баллада „Слѣпой“ произвела на него такое впечатлѣніе, что онъ написалъ къ ней музыку.

Такимъ образомъ Толстому удалось видѣть въ Веймарѣ оба періода расцвѣта этой скромной резиденціи: въ 20-хъ годахъ, когда его украшеніемъ былъ великій поэтъ Гёте, и въ 60-хъ— когда, благодаря Листу, онъ сдѣлался центромъ музыкальной жизни Германіи.

IV.

Живя у себя въ деревнѣ, гр. Толстой велъ оживленную переписку съ своими друзьями. Кругъ его сторонниковъ былъ не великъ, такъ какъ онъ стоялъ внѣ партій и не участвовалъ въ журнальной работѣ. Но люди, которые держались одинаковыхъ съ нимъ воззрѣній на задачи искусства, были ему очень дороги. Къ числу ихъ мы должны отнести И. А. Гончарова, Я. П. По-

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., X, стр. 645 и 661.

лонскаго и въ особенности Б. М. Маркевича. Къ сожалѣнію, корреспонденція Гончарова, по его личному желанію, не появилась въ печати. Но мы и при теперешней скудости матеріаловъ имѣемъ возможность указать нѣкоторые факты, характеризующіе отношенія обоихъ писателей. Въ своихъ письмахъ Толстой постоянно упоминаетъ Гончарова, прислушивается къ его указаніямъ и дорожитъ его похвалой. По его просьбѣ, гр. А. К. перевелъ для „Обрыва“ одно изъ стихотвореній Гейне; а когда „Смерть Іоанна Грознаго“ была готова, то авторъ выслалъ рукопись Гончарову, который и хлопоталъ о помѣщеніи ея въ „Отечественныхъ Запискахъ“. Отрывки писемъ къ Полонскому мы уже привели и приведемъ еще нѣкоторые. Какъ ни малочисленны эти выдержки, но онѣ доказываютъ, что между обоими поэтами существовали сердечныя и дружественныя отношенія. Зато переписка съ Маркевичемъ издана довольно подробно. Она для насъ особенно интересна, потому что Толстой писалъ ему изъ деревенской глуши всякій разъ, когда ему хотѣлось побесѣдовать о задачахъ художественнаго творчества или поспорить о политическихъ вопросахъ [1]). Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, какъ мы увидимъ ниже, онъ рѣзко расходился съ своимъ другомъ. Отношенія у нихъ были очень старыя и близкія. Маркевичъ многократно и подолгу гостилъ у Толстого въ деревнѣ; одна изъ его повѣстей, „Марина изъ Алаго Рога“, посвященная гр. Софьѣ Андреевнѣ, была задумана въ Красномъ-Рогѣ. Въ ней описана мѣстная усадьба, природа и лѣса, а главное лицо повѣсти, графъ Завальскій, во многомъ напоминаетъ самого хозяина. По этому поводу Маркевичъ пишетъ: „я и не думалъ описывать васъ въ моемъ Завальскомъ, но еслибы я васъ не зналъ, то едва ли создалъ бы его“ [2]). Когда Толстой заканчивалъ свои произведенія, то онъ обыкновенно посылалъ ихъ Маркевичу, который пользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы блеснуть въ петербургскомъ обществѣ своимъ мастерскимъ чтеніемъ и заинтересовать великосвѣтскіе салоны новыми произведеніями своего друга. Такимъ путемъ онъ даже проникъ въ интимный кружокъ государыни и читалъ тамъ „Донъ-Жуана“ въ началѣ мая 1861 г.

Причина ихъ дружбы вполнѣ понятна. Оба писателя были воспитаны на Пушкинѣ, оба они увлекались Шиллеромъ и вмѣстѣ читали „Валленштейна“ [3]); эта общность художественныхъ вкусовъ

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1895 г., XI, стр. 180.

[2]) Письма Маркевича, стр. 129.

[3]) Тамъ же, стр. 131.

соединяла ихъ и сглаживала рознь ихъ воззрѣній. А рознь эта несомнѣнно существовала, потому что Толстой былъ поэтъ чистой воды, а Маркевичъ, несмотря на свой несомнѣнный литературный талантъ, нерѣдко впадалъ въ тенденціозность, которая портила прекрасно задуманную вещь. Лучшимъ примѣромъ этого положенія можетъ служить та же „Марина изъ Алаго Рога", гдѣ рядомъ съ художественными страницами встрѣчаются мысли, годныя для руководящей статьи ретроградной газеты.

Изъ переписки Толстого заслуживаютъ особаго вниманія его письма къ кн. Сайнъ-Витгенштейнъ. Они замѣчательно содержательны и затрогиваютъ цѣлый рядъ самыхъ серьезныхъ художественныхъ вопросовъ. Онъ бесѣдуетъ съ ней какъ съ близкимъ другомъ о многихъ изъ своихъ произведеній. Толстой не даромъ поддерживалъ эту переписку, ибо княгиня была личность замѣчательная во многихъ отношеніяхъ. Гергардъ Ролфсъ [1]), знаменитый изслѣдователь Африки и другъ Листа, говоритъ, что княгиня была одна изъ самыхъ остроумныхъ женщинъ, какихъ онъ встрѣчалъ на своемъ вѣку. Даже въ послѣдніе годы ея жизни, когда болѣзнь приковала ее къ креслу, она отличалась большой живостью и умомъ; княгиню особенно интересовали вопросы искусства и литературы, и въ ея скромной квартирѣ на Via Babuino въ Римѣ встрѣчались художники и ученые всѣхъ странъ и народовъ [2]).

Мы такъ подробно остановились на этихъ лицахъ, потому что знакомство съ ними облегчаетъ чтеніе переписки, столь интересной для пониманія произведеній поэта и его личности. Затѣмъ намъ важно сохранить эти имена, такъ какъ одобреніе и участіе друзей поддерживали гр. А. К. Толстого въ его работѣ. Со стороны критики онъ всю жизнь слышалъ одну брань. Еслибы не было теплаго участія близкихъ, перо навѣрное выпало бы изъ его рукъ.

Толстой былъ, прежде всего, человѣкъ прямой, у котораго не существовало разлада между словомъ и дѣломъ. То, что онъ высказывалъ въ дружеской бесѣдѣ или въ письмахъ, то онъ и печаталъ, хотя бы пришлось плыть противъ теченія. То, что онъ проповѣдывалъ другимъ, то онъ дѣлалъ самъ; и доказалъ на дѣлѣ, что онъ готовъ на жертвы, когда отечество находится въ опасности. Поэтому ему были противны политическіе дѣльцы

---

[1]) Erinnerungen an Franz v. Liszt. Westermann's Monatshefte. Band 87. S. 677.

[2]) La Mara. Fr. Liszt's Briefe an die Fürstin Caroline Sayn-Wittgenstein. Leipzig. 1899.

вродѣ Луи Блана, который другимъ проповѣдывалъ бѣдность, а самъ жилъ въ роскоши [1]). Относительно друзей и знакомыхъ Толстой былъ крайне доброжелателенъ и всегда пользовался своими отношеніями къ сильнымъ міра сего, чтобы помочь ближнимъ, а въ особенности собратамъ по литературѣ. Примѣры такого образа дѣйствій очень многочисленны. Извѣстной писательницѣ Каролинѣ Павловой, которая сильно нуждалась въ деньгахъ, онъ выхлопоталъ пенсію отъ государя и великой княгини Елены Павловны [2]). Тургеневъ, составляя свой сочувственный некрологъ Гоголя, назвалъ его „великимъ"; за это онъ былъ посаженъ на одинъ мѣсяцъ на гауптвахту, а послѣ этого высланъ въ деревню [3]). Толстой, который въ день ареста обѣдалъ съ Тургеневымъ, былъ возмущенъ такимъ безцеремоннымъ обращеніемъ съ образованнымъ и порядочнымъ человѣкомъ. Его взволновалъ до глубины души этотъ грубый произволъ въ особенности потому, что всѣмъ было понятно желаніе шефа жандармовъ унизить въ лицѣ Тургенева литературнаго дѣятеля съ крупнымъ именемъ. Гр. А. К. пустилъ въ ходъ свои связи и, наконецъ, добился, что позволили Тургеневу вернуться въ столицу [4]). Въ 1859 году ему пришлось хлопотать за И. С. Аксакова, который навлекъ на себя гнѣвъ смѣлыми статьями, появлявшимися въ его „Парусѣ". Петербургскіе громовержцы возымѣли намѣреніе сослать его въ Вятку, а журналъ запретить [5]). Толстой опять-таки поставилъ на ноги всѣхъ своихъ друзей и родню. Журналъ спасти не удалось, но, по крайней мѣрѣ, онъ избавилъ своего друга отъ незаслуженнаго наказанія. Подобной просьбой Толстой даже навлекъ на себя неудовольствіе императора Александра II. Зимой 1864—65 г., во время его пребыванія въ столицѣ Толстой былъ приглашенъ на царскую охоту въ новгородской губерніи. Егермейстеръ, распоряжавшійся охотой на медвѣдя, разставляя полукругомъ стрѣлковъ, поставилъ гр. А. К. рядомъ съ государемъ. Въ ожиданіи, пока всѣ займутъ свои мѣста, а собаки и загонщики поднимутъ звѣря, Александръ II подозвалъ Толстого и сталъ съ нимъ разговаривать въ полголоса и безъ постороннихъ свидѣтелей. Пользуясь этимъ моментомъ, гр. А. К. рѣшился за-

---

[1]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., IV, стр. 612.

[2]) „Русскій Архивъ" 1894 г., т. I, стр. 120. „Вѣстникъ Европы" 1897 г., V, стр. 288.

[3]) Дневникъ Никитенки, т. I, стр. 532.

[4]) „Вѣстникъ Европы" 1897 г., IV, стр. 604. Дневникъ Никитенки, т. II, стр. 126.

[5]) „Вѣстникъ Европы" 1895 г., X, стр. 631.

молвить свое слово за Чернышевскаго. На вопросъ государя, что дѣлается въ литературѣ и не написалъ ли онъ чего-либо новаго, Толстой отвѣтилъ, что „русская литература надѣла трауръ по поводу несправедливаго осужденія Чернышевскаго"... Но Александръ II не далъ ему даже и окончить этой фразы: „Прошу тебя, Толстой, мнѣ никогда не напоминать о Чернышевскомъ", проговорилъ онъ недовольнымъ и непривычно строгимъ голосомъ и затѣмъ, отвернувшись въ сторону, далъ понять, что бесѣда ихъ кончена" [1]).

Подводя итогъ изложеннымъ фактамъ, мы можемъ съ смѣлостью сказать, что жизнь графа А. К. Толстого представляетъ собою нѣчто чистое и цѣльное. Нѣтъ лжи ни передъ обществомъ, ни передъ друзьями, ни передъ самимъ собою.

V.

Быть можетъ, кто-нибудь удивится, что, желая дать характеристику творчества А. К. Толстого, мы перенесли центръ тяжести нашей работы въ его біографію и сообщаемъ подробныя свѣдѣнія о его жизни, личности и литературныхъ отношеніяхъ. Но въ біографіи поэта можно найти ключъ для пониманія также и его произведеній.

Описаніе Краснаго-Рога и его лѣсовъ имѣетъ существенное значеніе, такъ какъ природа этого живописнаго уголка Малороссіи отражается во многихъ произведеніяхъ Толстого. Красотѣ юга посвящено его первое стихотвореніе „Колокольчики". Жизни въ Красномъ-Рогѣ мы обязаны тѣми чудесными картинами природы, которыми такъ богатъ „Князь Серебряный". Припомните весенній вечеръ и первую встрѣчу съ станичниками, или осенній вечеръ въ монастырѣ, когда Серебряный пришелъ прощаться съ Еленой. Какъ все полно гармоніи: умирающая природа и конецъ ихъ любви!

Толстой былъ „мажорный" поэтъ и самъ признавалъ, что онъ этимъ качествомъ и своимъ юморомъ обязанъ южной природѣ и солнцу. Чтобы доказать правильность нашего положенія, мы позволимъ себѣ нѣкоторую параллель. Толстой и Некрасовъ были страстные охотники. Такъ какъ они цѣлые дни проводили на лонѣ природы, то понятно, что описанія родныхъ лѣсовъ и

[1]) Воспоминанія графини А. А. Толстой. (Статья Ив. Захарьина. „Вѣстникъ Европы" 1905 г., IV, стр. 634).

полей часто встрѣчаются въ ихъ стихотвореніяхъ; но картины природы у нихъ прямо противоположны.

Для примѣра возьмемъ отрывокъ изъ „Коробейниковъ“:

Хороша наша губернія,
Славенъ городъ Кострома,
Да лѣса, лѣса дремучіе,
Да болота къ ней ведутъ,
Да пески, пески сыпучіе.

Или отрывокъ изъ другой поэмы:

Но вы, поля весенія!
На ваши всходы бѣдные
Не весело глядѣть.

Обѣ картины правдивы и сильны, но онѣ сѣры и грустны; такъ и кажется, что у поэта въ голосѣ дрожатъ слезы и что онъ скорбитъ о бѣдности земли родной.

У Толстого мы находимъ иныя впечатлѣнія:

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой ты, родина моя!
Гой ты, боръ дремучій!
Свистъ полночный соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Какая удаль, мощь и радость слышатся въ этихъ стихахъ!

Вторая біографическая подробность, которой мы придаемъ особое значеніе, это—ежегодныя поѣздки графа заграницу, прекрасное знаніе иностранныхъ литературъ. Широкое и разностороннее образованіе отразилось прежде всего на разносторонности его творчества. Онъ бралъ сюжеты для поэмъ и балладъ не только изъ прошлаго своего отечества, но также изъ исторіи Испаніи и Италіи, какъ, напр., „Донъ-Жуанъ“ и „Драконъ“.

Затѣмъ, живя на Западѣ или у себя въ имѣніи, гр. Алексѣй Константиновичъ имѣлъ полную возможность сравнивать условія жизни у насъ, гдѣ письма отъ Петербурга до Краснаго-Рога шли двѣ недѣли, а иногда и совсѣмъ пропадали,—съ тѣмъ, что онъ видѣлъ за рубежомъ. Благодаря этому, онъ проникся полнымъ уваженіемъ къ западной культурѣ и не могъ сойтись съ славянофилами, несмотря на то, что они его усиленно манили въ свои объятія [1]). Толстой былъ близокъ по своей религіоз-

[1]) Письма Маркевича, стр. 47.

ности и любви къ родинѣ къ А. С. Хомякову и И. С. Аксакову. Ю. Ѳ. Самаринъ и кн. В. А. Черкаскій были его товарищами по московскому университету [1]). Но онъ мало сочувствовалъ ихъ одностороннимъ взглядамъ на необходимость усиленной руссификаціи окраинъ, какъ этого требовали Ю. Ѳ. Самаринъ и М. Н. Катковъ. Толстой считалъ, что если окраины ушли впередъ, то центръ не въ правѣ задерживать ихъ развитіе и тянуть ихъ въ свое болото, а долженъ самъ стремиться къ тому, чтобы поднять свою культуру на уровень окраинъ [2]).

По этому вопросу между Толстымъ и Маркевичемъ завязалась преинтересная переписка. Гр. А. К. произнесъ въ 1869 г. въ Одессѣ тостъ „за всѣхъ подданныхъ Государя Императора, какая бы ни была ихъ нація". Маркевичъ пришелъ въ ужасъ и сталъ заклинать его „отказаться отъ тостовъ и писать баллады" [3]). Но Толстой отвѣтилъ довольно твердо, что это его искреннее убѣжденіе, отъ котораго онъ не можетъ отречься, такъ какъ высказывалъ его неоднократно въ личной бесѣдѣ и въ печати. При этомъ графъ сослался на то объясненіе, которое Лепорелло даетъ предъ судомъ инквизиціи:

— Итакъ, сеньоръ, я долженъ вамъ сказать,
Что донъ-Жуанъ говаривалъ не разъ:
„Святые братья глупы. Человѣкъ
Молиться воленъ, какъ ему угодно.
Не влѣзешь силой въ совѣсть никому
И никого не вгонишь въ рай дубиной.
Онъ говорилъ, что мавры и мориски
Народъ полезный былъ и работящій;
Что ихъ не слѣдовало гнать, ни жечь,
Что коль они исправно платятъ подать,
То этого довольно королю;
Что явный мусульманинъ, иль еретикъ,
Не столько вреденъ, сколь сокрытый врагъ;
Что если бы сравняли всѣхъ правами,
То не было-бъ ни отъ кого вражды.
Поэтому, такъ говорилъ мой баринъ,
Святые братья глупы"...

Настоящей выпиской можно было бы покончить этотъ споръ, но сохранилось еще стихотвореніе [4]), не вошедшее въ собраніе

---

[1]) А. В. Мещерскій. „Русскій Архивъ" 1900 г., № 7, стр. 376.
[2]) „Вѣстн. Европы" 1895 г., X, стр. 659.
[3]) Письма Маркевича, стр. 115.
[4]) „Русская Старина" 1887 г., № 2.

сочиненій гр. А. К. Толстого, въ которомъ онъ съ удивительнымъ юморомъ возвращается къ тому же вопросу. Эта небольшая сатирическая пьеса заслуживаетъ, чтобы ее не забыли въ пыли старыхъ журналовъ, поэтому мы приводимъ ее цѣликомъ.

ЕДИНСТВО.

Друзья! ура единство!
Сплотимъ Святую Русь!
Различій, какъ безчинства,
Народныхъ я боюсь.

Катковъ сказалъ, что, дескать,
Терпѣть ихъ—это грѣхъ,
Ихъ надо тискать, тискать
Въ московскій обликъ всѣхъ.

Ядро у насъ славяне,
Но есть и вотяки,
Башкиры и армяне,
И даже калмыки.

Есть также и грузины
(Конвоя цвѣтъ и честь),
И латыши, и финны,
И шведы также есть.

Недавно и ташкентцы
Живутъ у насъ въ плѣну,
Признаться-ль?—есть и нѣмцы,
Но это entre nous!

Страшась съ Катковымъ драки,
Я на ухо шепну:
У насъ есть и поляки,
Но также entre nous!

И многими иными
Обиленъ нашъ запасъ.
Какъ жаль, что между ними
Араповъ нѣтъ у насъ!

Тогда бы князь Черкаской,
Усердіемъ великъ,
Имъ мазалъ бѣлой краской
Ихъ неуказный ликъ.

Съ усердіемъ столь смѣлымъ
И съ помощью воды
Самаринъ теръ бы мѣломъ
Ихъ черные зады.

Катковъ, нашъ герцогъ Альба,
Имъ удлиннялъ бы носъ,
Маркевичъ восклицалъ бы:
Осанна! Аксіосъ!

Отъ вопроса о насильственномъ обрусеніи окраинъ — всего одинъ шагъ къ общему вопросу о политическихъ убѣжденіяхъ графа А. К. Толстого. На него легче всего отвѣтить ссылкой на извѣстное стихотвореніе:

„Двухъ становъ не боецъ, а только гость случайный“ [1],

—которое упоминаютъ всѣ критики, когда они желаютъ доказать, что нашъ поэтъ не принадлежалъ ни къ одной партіи. Это отчасти правда, потому что Толстой, какъ человѣкъ самостоятельный, шелъ своей дорогой и презиралъ ложь, которою нерѣдко прикрываютъ свои недостатки политическіе и литературные кружки. Но мы думаемъ, что этой лаконической ссылки нѣсколько мало, такъ какъ произведенія гр. Алексѣя Константиновича даютъ богатый матеріалъ для опредѣленія его воззрѣній на цѣлый рядъ существенныхъ вопросовъ. Стоитъ расположить баллады въ систематическомъ порядкѣ, чтобы понять его политическій идеалъ.

Онѣ распадаются на два цикла: кіевскій („Сватовство“, „Илья Муромецъ“, „Садко“, „Алеша Поповичъ) и московскій („Кн. Репнинъ“, „Старицкій воевода“, „Василій Шибановъ“). „Потокъ богатырь“ сопоставляетъ оба періода русской исторіи и переноситъ насъ въ третій—въ петербургскій. О томъ же государственномъ строѣ современной Россіи говорятъ „Сонъ Попова“ и „Русская Исторія“.

Если вѣрить поэту, то въ Кіевѣ княжилъ ласковый Владиміръ князь по правдѣ и закону, управляя страной при участіи народа и вѣча. Въ московскій же періодъ законъ исчезъ и былъ замѣненъ произволомъ московскаго хана; наконецъ, въ С.-Петербургѣ появился чиновникъ-министръ, говорящій либеральныя рѣчи и готовый при малѣйшемъ поводѣ пустить въ ходъ тотъ же произволъ.

Насколько правильны были воззрѣнія Толстого на кіевскій періодъ, мы разбирать не будемъ. Но нельзя не сказать, что нашъ поэтъ, какъ и всѣ романтики, будучи недоволенъ совре-

[1] Полное Собраніе Стихотвореній, изд. 1886 г., т. I, стр. 260.

меннымъ строемъ, искалъ лучшаго въ добромъ старомъ времени. Этой дорогой шли нѣмецкіе романтики A. W. Schlegel, Tieck, Graf Stollberg, Brentano, Fouqué и др., которыхъ такъ любилъ А. А. Перовскій. По тому же пути пошелъ и Толстой. Онъ остановился на кіевской Руси, такъ какъ московскій періодъ, полный произвола, казней и злодѣяній, глубоко его возмущалъ. „Моя ненависть къ московскому періоду есть моя идіосинкразія... Моя ненависть къ деспотизму—это я самъ“... Эта фраза, извлеченная изъ его письма, дала Вл. С. Соловьеву основаніе утверждать, что [1]) Толстой „стоялъ за живую силу свободной личности“. Слѣдовательно, онъ боролся за свободу совѣсти, вѣры и національности. А если такъ, то между его воззрѣніями и взглядами лучшихъ людей 60-хъ годовъ, Ростовцева, Н. Милютина, Замятина, Ровинскаго, Ив. Аксакова, не было существенной разницы: всѣ они стремились къ тому, чтобы въ русской странѣ водворился законный порядокъ. Толстой никогда не былъ ретроградомъ, но считалъ, что либерализмъ есть законность, а не своеволіе. Недаромъ онъ вложилъ посаднику Глѣбу Мироновичу въ уста опредѣленіе, что̀ есть воля и что̀ неурядье:

Вотъ наша воля. Правъ своихъ держаться,
Чужія чтить, блюсти законъ и правду,
Не прихоти княжія исполнять,
Но то чинить безропотно и свято,
Что государь нашъ Новгородъ велитъ—
Вотъ воля въ чемъ! А чтобы всякій дѣлать
Воленъ былъ то, что̀ въ голову взбредетъ,
Нѣтъ, то была-бъ не воля—неурядье
То было бы!...

Поэтому Толстой отъ души ненавидѣлъ тѣхъ фальшивыхъ людей, которыхъ онъ называлъ „les parvenus de la science et du libéralisme“.

При наличности такихъ фактовъ, многіе съ удивленіемъ спросятъ, отчего же критика 60-хъ годовъ вела такую упорную борьбу противъ гр. А. К. Толстого и его произведеній?

Отвѣтить на этотъ вопросъ не трудно: ихъ разъединяли воззрѣнія на задачи искусства. Публицисты того времени не признавали „искусства для искусства“ и желали сдѣлать изъ поэзіи орудіе для соціальной борьбы. Вслѣдствіе этого 60-е годы, столь знаменательные въ исторіи Россіи, были неблагопріятны для развитія поэзіи. Мей погибъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова.

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., V, „Поэзія гр. А. К. Толстого“.

А между тѣмъ это былъ крупный талантъ, лирическія и драматическія произведенія котораго не потеряли прелести и въ наши дни. Фетъ началъ печатать первыя свои стихотворенія, но, встрѣченный общимъ холодомъ, онъ замолкъ надолго. Правда, въ это время жилъ и писалъ Некрасовъ. Но это былъ человѣкъ другого лагеря; его муза не чужда тенденціи и злободневныхъ вопросовъ, и только въ лучшихъ вещахъ она вводитъ насъ въ свѣтлый міръ поэзіи. Необходимо добавить, что Некрасовъ находился въ исключительныхъ условіяхъ; какъ редакторъ „Современника“ и „Отечественныхъ Записокъ“, онъ имѣлъ полную возможность дать надлежащій отпоръ зазнавшемуся критику. Поэтому бороться съ нимъ было небезопасно.

Положеніе А. К. Толстого было иное; во-первыхъ, онъ стоялъ въ сторонѣ отъ журнальныхъ партій, а во-вторыхъ, и это главное, онъ былъ глубоко убѣжденъ, что искусство и прекрасное имѣютъ право на существованіе сами по себѣ. Между тѣмъ этого основного положенія публицисты того времени не признавали; поэтому они поносили не только Толстого, но и всѣхъ его друзей.

По настоящему вопросу сохранилось два интересныхъ письма, въ которыхъ гр. Толстой горячо отстаиваетъ свое credo. Первое изъ нихъ написано по поводу разбора „Обрыва“ въ „Зарѣ“.

„Такъ чернить Гончарова нельзя. Странный фактъ—вся наша критика находится въ рукахъ одной клики, за рѣдкими и робкими исключеніями; девизъ этой клики—война искусству. Будемъ обходиться и безъ ихъ мнѣнія“ [1]).

Другое адресовано его старому другу, Якову Петровичу Полонскому, и написано 20 декабря 1868 г. [2]): „Мы съ вами не послѣдніе могикане искусства; оно не умретъ и не можетъ умереть, какъ бы тамъ ни старались разные Чернышевскіе, Писаревы, Стасовы, Корфы и т. п., кто прямо, кто косвенно. Убить искусство такъ же легко, какъ отнять дыханіе у человѣка подъ тѣмъ предлогомъ, что оно роскошь и отымаетъ время даромъ, не вертитъ мельничныхъ колесъ и не раздуваетъ мѣховъ“.

Вообще, публицисты шестидесятыхъ годовъ, занимавшіеся критикой художественныхъ произведеній, далеко не стояли на высотѣ своего положенія. Тонкій вкусъ и любовь къ истинно-прекрасному, которыми отличался Бѣлинскій, у нихъ отсутствовали. Поэтому слабость серьезныхъ доводовъ они нерѣдко прикрывали рѣзкими нападками на своихъ противниковъ. Не только

---

[1]) „Вѣстникъ Европы“, 1895 г., XI, стр. 166.

[2]) „Русская Старина“, 1884 г., т. 41.

писатели, испытавшіе на себѣ всю прелесть грубой полемики, но даже лица, которыя стояли въ сторонѣ отъ борьбы, возмущались безцеремонностью публицистовъ. Такъ, напримѣръ, въ дневникѣ А. Никитенки мы находимъ слѣдующія строки: „Нынѣшніе крайніе либералы со своимъ повальнымъ отрицаніемъ и деспотизмомъ просто страшны. Они въ сущности тѣ же деспоты, только навыворотъ. Въ нихъ тотъ же эгоизмъ и та же нетерпимость, какъ и въ ультра-консерваторахъ... Они не допускаютъ свободу мнѣній".

Какъ бы то ни было, но подъ вліяніемъ вѣчныхъ глумленій у Толстого образовалось желчное настроеніе, и въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ говоритъ, что сталъ „посмѣшищемъ критики" [1]).

Подъ впечатлѣніемъ этой непрекращавшейся брани онъ и написалъ свои полемическія вещи: „Потокъ богатырь", „Порой веселой мая" (баллада съ тенденціей) и „Противъ теченія". Эти стихотворенія принято называть тенденціозными, но мы видимъ въ нихъ скорѣе антитенденціозныя вещи, въ которыхъ поэтъ въ шутливой формѣ отвѣтилъ на постоянныя нападки ультра-либеральнаго лагеря. Они вызвали бурю негодованія. Когда Толстой послалъ первое изъ этихъ стихотвореній въ „Русскую Бесѣду", то редакція отказалась ее напечатать, и „Потокъ" появился на страницахъ „Русскаго Вѣстника" [2]). Всѣ громы либеральной печати посыпались на поэта, который сумѣлъ подшутить надъ своими противниками. Про Толстого кричали, что онъ до того отсталъ, что глумится надъ реформами Александра II и надъ судомъ присяжныхъ. Но близорукіе критики забыли, что онъ смѣялся не надъ судомъ присяжныхъ, а надъ тѣми ограниченными людьми, которые всю мудрость новаго суда видѣли въ оправдательныхъ вердиктахъ. Наконецъ, если даже допустить, что въ пылу спора Толстой хватилъ черезъ край, то это не даетъ права считать его ретроградомъ. Чтобы опредѣлить его политическія убѣжденія, необходимо изучить его шедѣвры и сопоставить ихъ съ письмами, а не судить по полемическимъ стихотвореніямъ, которыя написаны для осмѣянія противника. По нашему мнѣнію, въ его полемическихъ стихахъ слышится болѣе голосъ оскорбленнаго эстетика, чѣмъ политическаго дѣятеля. Въ этомъ легче всего убѣдиться, прочитавъ балладу

---

[1]) 17 октября 1869 г. Княгинѣ Сайнъ-Витгенштейнъ. „Вѣстникъ Европы", 1895 г., XII.

[2]) Захарьинъ. „Жизнь Москвы". („Историческій Вѣстникъ", 1902 г., № 11).

„Порой веселой мая“, которая является парафразой приведеннаго нами письма Полонскому.

Во всемъ этомъ спорѣ Толстой стоитъ безконечно выше своихъ враговъ, ибо въ его стихотвореніяхъ чувствуется смѣхъ, а не желчь; онъ обладалъ тонкимъ юморомъ и не могъ избавиться отъ прирожденнаго ему добродушія.

По поводу современной ему полемики гр. Алексѣй Константиновичъ прислалъ кн. Церетелеву слѣдующее стихотвореніе [1]):

Боюсь людей передовыхъ,
Страшуся милыхъ нигилистовъ,
Ихъ судъ правдивъ, ихъ натискъ лихъ,
Ихъ гнѣвъ губительно неистовъ.

Но все жъ подъ-часъ бываетъ мнѣ
Пріятно, въ званьѣ ретрограда,
Когда ихъ хлещетъ по спинѣ
Моя былина иль баллада.

Насколько этотъ „натискъ былъ лихъ и гнѣвъ неистовъ“, мы можемъ убѣдиться изъ слѣдующаго отрывка [2]). „Графъ А. Толстой врагъ просвѣщенія, поклонникъ и проповѣдникъ безъ-завѣтнаго холопства, а какъ поэтъ, посредственно даровитый дилеттантъ, вымучивающій риѳмованныя строки и склонный ради баловства сочинять безсмысленныя баллады“.

Этотъ критикъ не дожилъ до того дня, когда цензура разрѣшила представленіе „Царя Ѳедора“. Въ одинъ годъ эта трагедія обошла сцены всѣхъ большихъ городовъ. Всѣ поняли, что „Царь Ѳедоръ“—шедѣвръ, которымъ должна гордиться русская литература.

А. Левенстимъ.

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ 1900 г., XI, стр. 201.

[2]) Изъ статьи Павлова: „Судьи Поэта“ („Русскій Вѣстникъ“, 1876 г., VIII).